

А. И.
КУПРИН

Избранное

Александр Иванович Куприн
Великий размах
Серия «Рыжие, гнедые,
серые, вороные...», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2548085

Аннотация

«Появились на русских ипподромах наездники-американцы. Высокая марка! Они нашим отечественным русопетам сначала могли пятьдесят очков вперед давать. Заметьте, нарочно упираю на слове «сначала». Американцы, зорко приглядевшись к русскому рысаку и русскому наезднику, высказали о них хотя и суровое, но все-таки очень лестное мнение...»

Александр Иванович Куприн Великий размах

– После бырдинских, извините за выражение, мифологических времен, – так продолжает беседу Н. К. Черкасов, – пошло вскоре рысистое русское дело вперед огромными шагами, точно надело семимильные сапоги-скороходы. Строже стал учет резвости, дойдя от четверти секунды до десятых долей. Беговые дорожки становились с каждым годом все точнее и ровнее. В Москве бега с Пресни перешли на Ходынское поле; в Петербурге – с Невы на Семеновский плац. Беговые дрожки и санки отошли в область преданий. При мне уже на дрожках ездили только приказчики хлебобобовых губерний, а на легоньких санках – извозчики да купеческие сынки в Коломне и Серпухове. Установился для состязаний тип американской двухколески, на высоком и низком ходу, с крошечным сиденьем-блюдечком, с цепью стальных шариков в колесной втулке для легкости вращения, как у велосипедистов, с гуттаперчевыми шинами. В такой американке всякий лишний вес расчетливо удален прочь, и эту двухколесочку свободно может катить по беговой дорожке веселый семилетний карапуз. Дуговая запряжка и четыре колеса остались на бегах только так, в виде поблажки, в последних

заездах, для городских экипажей.

Появились на русских ипподромах наездники-американцы. Высокая марка! Они нашим отечественным русопетам сначала могли пятьдесят очков вперед давать. Заметьте, нарочно упираю на слове «сначала». Американцы, зорко приглядевшись к русскому рысаку и русскому наезднику, высказали о них хотя и суровое, но все-таки очень лестное мнение.

«Если бы у нас в Америке, – говорили они, – выработался такой драгоценный беговой материал, как ваш орловский рысак, то мы давно уже показали бы миру настоящие чудеса во всех рекордах. И наездники русские, в большинстве превосходные, замечательные наездники. У них и любовь к делу, и физическая сила, и чуткая гибкость рук, и несравненный глазомер, и удаль, и находчивость, и зоркость; и понимание лошади. Но, к сожалению, обоим – и коню, и ездоку – не хватает одного пустяка: той тренировки, какая в Америке уже ведется десятилетиями».

Лошадь требует постоянной работы над нею, работы терпеливой, настойчивой, планомерной и строгой. Все ее усилия в беге должны быть механически направлены к трем практическим целям: быстроте, выносливости и долгому дыханию. Красота на заднем плане.

В самом деле, поглядите на чистокровного и чистопородного орловца. Что и говорить, писанный красавец! Рост огромный, сам серый в темных яблоках, голова – загляденье, глаз огненный, белый хвост до земли. – Словом, картина,

пряник! А как он бежит! Шея круто собрана, передние ноги на ходу он выбрасывает круто вверх, чуть не до морды, да еще вышвыривает их от колен в бока. Жирные мяса трясутся, селезенка екает, снежные комья так и брызжут в стороны. Восторг!

Но, однако, шея, собранная колесом, мешает воздуху свободно проходить в легкие.

Вычурное выбрасывание ног вверх и в стороны заставляет лошадь тратить силу и энергию на ненужные, непроизводительные усилия. Трясущиеся мяса вместо мускулов – только лишнее бремя...

Поглядите теперь, как бежит лошадь с американским тренингом. Первое, что поражает, – это необычайная легкость ее хода. Спина прямая, шея и голова вытянуты почти горизонтально. Вам кажется, что копытом она как будто не опирается на землю, а лишь отталкивается от нее. Издали какая-то козлиная или собачья рысь, и главное, – совсем неторопливая, а между тем, с каждым этим непринужденным посылом ноги вперед, американец пожирает сажени и свободно обходит племенного топчущего орловца, несмотря на то что, глядя со стороны, орловец – весь полет, стремленье, буря!..

И наружность у американца неважная. Как бы клячеват он, ребра можно все пересчитать, но когда увидишь под тонкой кожей стальные рычаги его плечей и выпуклые длинные мускулы ног и все это сухое тело-машину, в которой нет ни

капли жира, – тогда поймешь, что в лошади, кроме лубочной красоты, может быть и красота, восхищающая сердце истинного спортсмена.

То же и о наездниках. Наездник должен – не только лошадь, но и себя самого держать в постоянной тренировке. Вот, например: в Москве было несколько толстозадых наездников, которые, кроме того, одевались в очень тяжелые путаные одежды. Им, видите ли, казалось, что вес важен только для скаковой лошади и что для беговой – разница в весе – пустяки. Нет, настоящий наездник никогда не должен забывать, что каждый сброшенный с его веса фунт – это прибавка одной десятой секунды к резвости в результате.

Еще: настоящий наездник, подготавливая лошадь к бегу, никогда не позволит себе лености, небрежности, пропуска времени и надежды на это дурацкое русское «авось», или «а вдруг», вместо спокойной и надежной уверенности в том, что он и лошадь вполне готовы к состязанию.

И еще: выезжать на беговую дорожку никогда не следует пьяным или выпивши. Тут дело не во вреде для здоровья, а в том, что под влиянием вина, хотя бы у тебя и была голова ясной, ты все-таки мозгом и нервами совсем не тот человек, который вел подготовительную работу с лошадыю. Пусть ни один человек на ипподроме – если ты крепок – не заметит твоего состояния. Лошадь непременно заметит! Они в привычках не только постоянны, но и упрямы, и перемены в руках, в посылке, в голосе и в запахе не любят. И они нервнее

любой драматической актрисы.

Пить?.. Отчего же не выпить при подходящем времени и компании? Иной американский наездник за дружеской беседой, без всякого принуждения, не торопясь, высосет бутылку доброго Мартелевского коньяку VVSOP, и ничего с ним худого не станется.

Тоже вот жокеи: как они перед большими скачками спускают килограмма два с себя веса? Заберутся в так называемые римские бани, где градусов 60 жара по Реомюру, и потеют. А чтобы процесс потения шел быстрее, им подают шампанское во льду, а они его дуют без зазрения совести. Какie сердца надо иметь лошадиные! Но и у тех и у других – закон: на ипподром выезжать – как стеклышко. Да вот вам пример: в конюшне Лазаревой был негр Ганнибал. Чудесный жокей, прямо сказать – волшебный. Однако глотнул он перед стартом в буфете какого-то крепчайшего состава – так лошадь еще до скачки его с себя сбросила и все ему лицо ногами растоптала. Кончилась в миг одна его карьера, и остался человек навеки уродом. Помнить должен еще наездник, что лошадь гораздо щедрее, чем человек, одарена инстинктом и физическими чувствами. Правда, человек ее часто превосходит зрением, иногда и рассудком. Но слышит лошадь лучше кошки, обоняет тоньше собаки, к ходу времени и к переменам погоды она чувствительна не хуже петуха; в памяти мест, событий и впечатлений нет ей равного на земле животного, чувством темпа она обладает в такой же степени,

как цирковой жонглер или первоклассная балерина. Кроме того, она еще нервна, мнительна и пуглива, но при хорошем воспитании и уходе она может сделаться и бесконечно доверчивой, и бесстрашной, и логичной. И надо дельному наезднику не забывать и того, что лошади, в сущности, совсем не свойственна рысь. Натуральные ее аллюры – шаг и галоп; недаром у нее задние ноги гораздо длиннее передних (как и у зайца, например; тот даже и шага не признает). Лошади здоровой, молодой, с добрым характером, внимательно обученной и вдобавок находящейся в хороших руках – не только в охоту, но и в наслаждение бежать рысью со скоростью – верста в две минуты. Однако есть моменты, когда хороший рысак, вопреки даже искреннему желанию и полному старанию бежать рысью, невольно стремится перейти в галоп, который был так свойствен его прапращурам в случае соперничества или опасности. Это бывает, например, тогда, когда рядом с ним, голова в голову, ноздря в ноздю, бежит равный по силам противник, с настойчивой мыслью обогнать. Тогда от страстного, благородного соревнования лошадь – увы! – мгновенно забывает о тщательном воспитании в чинной рыси, перестает слушаться вожжей, а в результате – пять сбоев в галоп, а там и проскачка.

Но бывает и обратное. Встречаются лошади, прекрасные по своим рысистым качествам, но, как говорится, «без сердца».

Они способны честно и старательно бежать с той предель-

ной резвостью, какую от нее требуют и какую она в силах дать. Но все это только до борьбы. Едва начинает к такой лошади приближаться соперник, она уже волнуется и сдает, а когда противник выравнивается голова в голову, она бросает борьбу совсем. Таким рысаком «без сердца» был, например, знаменитый Крепыш. Это был у него, кажется, единственный порок, не считая того, что он был несколько узкой лошадью, не широк в ребрах, да, впрочем, и бабка была у него не надежна.

От множества причин еще может зависеть неуспех бега: лошади нездоровилось, а этого не успели доглядеть, проснулась в дурном настроении духа, видела, может быть, дурной сон, плохо кована и так далее... Кроме того, ее чертовская память! На беговой дорожке ей памятливы все места, где она раньше засбоила, или была обойдена, или испугалась хотя бы занесенной ветром афишки, или была приведена в порядок хлыстом. А во всех перечисленных случаях, так же как и во многих других, только талант наездника спасет положение. Хороший наездник умеет все чувствовать вместе и одновременно с лошадью. По косящему назад глазу, по настроенно задвигавшимся ушам и еще по какой-то необъяснимой душевной связи с лошадью он чувствует ее волнение, упрямство, неуверенность, замешательство. У него есть много способов выправить и успокоить лошадь, и самый сильный из них тот, которого не передать словами: если хотите – это гипноз, напряженная передача своей воли воле нервного

и чуткого животного. Это умеют делать наездники, либо родившиеся на свет божий с призыванием наездника, либо прошедшие длинный терпеливый искус.

– Мы, русские, – говорит Черкасов, – невольно должны были учиться у американцев, а кто не хотел учиться, тот все-таки подтягивался. Я с гордостью говорю, что моим учителем был Вильям Кэйтон, воистину король рысистого спорта... впрочем, они все трое были несравненные наездники. И папаша Франк Кэйтон, и сыновья Самуэль и Вильям. Другие англичане: Женька Реймер и Стар-Чугунная Голова были сортом куда пониже. Им и до русских было не дотянуться, до Константинова, Кузнецова, Иноземцева, Силкина, Барышникова, Иосифа Линевича, Фина, Ситникова, ну, да и о себе позволю сказать в конце поминания... Так вот, я и говорю, что для русского рысистого дела наступил какой-то пышный – извините за выражение – Ренессанс. Новые лошадиные крови, новый прием тренировки, новые рекорды, новые наездники. Конюшни строились с большой роскошью. Денег не жалели. Какие славные имена рождались и блистали на ипподромах... Могучий, Ирис, Прости, Питомец, Пылога, Сетный, Крепыш... Зайсан, Летун, Лель, Плутарх, Лаковый, Варвар, Лакомый Кусочек, Боярышня... не перечислишь.

А владельцы! Воронцов, кн. Вяземский, Ознобишин, Неандер, Коноплин, Телегин, Мамонтов, Красовский, Лежнев, Богданов...

Вот о Телегине могу говорить без конца. Он был не только страстный любитель и величайший знаток лошадей. – Нет, он свою охотничью забаву соединял с пользой и славой России...

Об этом замечательном человеке Черкасов действительно рассказывает с увлечением и почти благоговейно. Да и трудно было бы найти во всей истории русского рысистого спорта другую фигуру охотника, коннозаводчика и лошадиного знатока, хотя бы издали похожую на облик Николая Васильевича.

Если кто полюбит по-настоящему наше конское дело, то уж это – навсегда, на веки веков. Отстать нельзя. Можно бросить вино, табак, азартную игру; женщины от тебя сами рано или поздно отвернутся. Но истинного любителя – прекрасный вид лошади, ее могучее ржание, ее стремительный бег, ее чистое дыхание, ее бодрый запах – будут волновать и тревожить неизменно до глубокой старости, до самой смерти, и я даже полагаю, что и после нее.